

СЕКЦІЯ 6

Круглий стіл, присвячений дослідженню творчості Ф. Кривіна

Наталія БЕДЗИР

ИСТОРИЯ И МИФОЛОГИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. КРИВИНА
(СБОРНИК «БОЖЕСТВЕННЫЕ ИСТОРИИ»)

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія.

Випуск 1 (39) 2018

УДК 821.161.1.09-343(477.87)

Бедзір Н.П. Історія та міфологія у творчості Ф. Кривіна (збірка «Божественні історії»); стор. – 12; кількість бібліографічних джерел – 14; мова російська.

Анотація. Стаття присвячена огляду особливостей міфопоетики у творчості Ф. Кривіна на матеріалі книги мініатюр «Божественні історії». Проаналізовано теми, проблематику, художні прийоми втілення міфів. Зазначено жанрові та стилеві особливості збірки Ф. Кривіна.

Ключові слова: Фелікс Кривін, мініатюри, міф, гротеск, бурлеск, трагедійність, іронія, пародійність, притча, анекдот, байка.

Литература ХХ века выработала интеллектуально и философски насыщенное отношение к мифам. Миф и в ХХ в. по-прежнему воспринимается как особая форма выражения сознания и чувства человека. С другой стороны, миф как практика содержит ростки развившихся и продолжающих развиваться физических, интеллектуальных, философских, духовных, этических, эстетических проявлений бытия. В частности, в любом мифе можно выделить семантическое ядро, которое будет впоследствии востребовано в художественном творчестве – литературе, живописи, архитектуре, структуре, дизайне и т.п.

Миф сам по себе, как считал философ, религиозный мыслитель Б. Вышеславцев, есть «конденсированная история» общечеловеческой души, символизирующая множество исторических фактов; под «символизированием» в данном случае он понимал связь-сопоставление, «вечную правду», записанную «гиероглифами» [1, с.5].

Каждый из исследователей мифа видит в этом многогранном семантическом ядре свою особую смысловую грань. Например, Платон пытался рационализировать миф, подчёркивая прежде всего его логичность и рассудочность. Отсюда вытекает мысль о социальном значении мифа. Миф воплощает образно-волевое начало, социально воспитывает, осуществляет этическую регулировку в обществе, даёт образцы поведения, полагал Платон. Аристотель впервые отметил заложенную в мифе тайну познания мира, удивление человека перед миром. Видя в мифе первичное и упрощённое знание человека о мире, Аристотель считал, что миф понятен каждому – учёному и невежде. Учёный полагал: миф убеждает человека в законности происходящего и в его правильности [11].

Осмысление мифа в ХІХ–ХХ вв. продолжили русские философы. А.А. Чагинский, исследуя истолкование мифа в концепциях русских христианских философов 20-х гг., пришёл к выводу, что в концепциях Вяч. Иванова миф отражён как квинт-эссенция человеческой деятельности, исторического движения; средоточие в мифе глубинного смысла событий подчёркивал Б. Вышеславцев; конкретную реальность – Л. Франк, оживающий в культе миф – П. Флоренский; теофанию – С. Булгаков [13].

Миф, эта метафора высшей реальности, постигается через личное переживание, писал Н. Бердяев. Вяч. Иванов, Н. Бердяев в 20-е годы ХХ в. словесную форму, в которой выражен миф, назвали мифологемой [13, с.517].

Русский философ А. Лосев, живший в советскую эпоху, писал: «Для меня миф – это выражение наиболее цельное и формулировка наиболее разносторонняя – того мира, который открывается людям в культуре, исповедующим ту или иную мифологию» [8, с.163-163].

Е. Мелетинский, М. Элиаде в ХХ в. продолжали видеть в мифе, кроме символического значения, циклическую модель времени, метафорическую сущность, мифопоэтическое мышление, которое включает указание на мифических предков – основателей рода, время первотворения, космогонию, то есть построение мироздания, сакрализацию имени и одушевление предметного мира [10], [14]. Естественно, литература живёт активным использованием мифов, как и вся гуманитарная сфера человечества в целом – политика, историософия, социальные коммуникации, психология, психоаналитика, экономика, бизнес и т.п.

Уже в античности творческое мышление писателей перерабатывает существующие мифы,

создавая такие мифологемы, которые в каждом случае отличаются от первоначального мифа. Гесиод в поэме «Труды и дни» вносит в интерпретацию мифа рассудочность, бытовые хозяйственные и поведенческие подробности, знание житейских мелочей; морализирует при интерпретации мифа поэт Пиндар; Эсхил, Софокл, Эврипид сращивают историю и миф, эстетизируют его и морализируют в своих мифологемах.

Эпоха христианства продолжает этот процесс: в центре художественных интерпретаций оказывается Библия.

Свои мифологические системы создали Данте, Шекспир. О шекспировской мифопоэтике Г. Гейне высказался как о «светской Библии» [2]. Европейская ментальность, культура, сознание воплотились в таком богатом мифопоэтическом произведении XIX в., как «Фауст» Гёте.

В XX в. активно использовали мифологию аргентинский писатель Х.Л. Борхес (рассказ «Рагнарёк», «Книга сновидений»), ирландский писатель Дж. Джойс, португальский – Ж. Сарамаго, колумбийский – Г.Г. Маркес, российский – Л. Андреев и многие другие. Польский писатель Е. С. Лец об актуализации мифа сказал: «Помните: в каждом мифе есть зернышко истины, которое снова может стать нашим хлебом насущным» [7].

В 1966 г. выходит книга Ф. Кривина «Божественные истории», в которой произведено активное переосмысление мифологии – египетской и вавилонской, античной, славянской, иудейской, христианской. Выход книги не остался незамеченным: в «Новом мире» появилась рецензия Э. Кузьминой «Испытание смехом». В советской традиции книга Ф. Кривина названа пародией на библейские сказания и мифы и упомянута в одном ряду с «Забавной библией» Л. Таксила, но автор рецензии всё же делает вывод о том, что книга Ф. Кривина «поднимается до главных вопросов, которым посвящена «серьезная» литература: в чем смысл жизни, что ты оставляешь людям?» [6, с. 250].

Восполняя картину советского литературного процесса 60-х гг., необходимо заново оценить книгу Ф. Кривина, которая явно выделялась среди изданного в эти годы в стране и была созвучна лучшим произведениям времени. Почему Ф. Кривин обратился к острому переосмыслению бытийных проблем человечества, используя мифы, в 1960-е гг.? Вероятно, подтолкнула к этому состоявшаяся в 1966 г. долгожданная советская публикация «Мастера и Маргариты» – наиболее мифологического и «христианского» романа М.Булгакова – в окончательном авторизованном варианте. Возможно, причиной стало и то, что 30 апреля 1966 года в Америке было объявлено о начале сатанинской эры, а Антон Шандор ЛаВей в этот день объявил о создании церкви сатаны и начале 1-го года века сатаны. Литература переплелась с реальными советскими событиями – ростом

несвободы и преследований в стране. Наиболее острым политическим событием 1966 года стало советское судилище над Ю. Даниэлем и А. Синявским – оба писателя были объявлены диссидентами и антисоветчиками и приговорены к заключению.

В 1966-м г. выходит из печати повесть братьев Стругацких «Второе нашествие марсиан», где все персонажи – типичные советские горожане – носят мифические имена: Аполлон, Артемида, Харон, Ахиллес, Минотавр, Полифем и т.п. Марсиане в повести так и не появляются, но сатирическая линия произведения приобретёт вселенский размах. В комментарии к произведению авторы писали: «Мы не понимали главного — существуют, все-таки, понятия: ЦЕЛЬ, СМЫСЛ, НАЗНАЧЕНИЕ — применительно ко всему человечеству разом? А также смежные с ними понятия: ЧЕСТЬ, ДОСТОИНСТВО, ГОРДОСТЬ — опять же в самом общечеловеческом, если угодно, даже космическом, смысле? Или не существуют? Каждый отдельный человек — это понятно — может променять «право первородства» на чечевичную похлебку. А человечество в целом? Может или не может? А если может, то позволительно ли это или, наоборот, позорно и срамно? [12, с. 163]. Далее увидим, что подобные проблемы волновали и Ф. Кривина.

Использование мистики, мифопоэтики, философской символики в середине 60-х заполняет литературу («Шатуны» Ю. Мамлеева, «Прощай, Гульсары» Ч. Айтматова, «Улитка на склоне», «Второе пришествие марсиан» бр. Стругацких, «Полковнику никто не пишет», «Сто лет одиночества» Г. Маркеса).

В книге Ф. Кривина миф также оказался востребован как спрессованный архив истины о мире – о человечестве в целом, и этот архив дал возможность проследить историю души, нравственности, веры, степени мудрости и созревания человека. Писателям неподвластно развенчивать и ниспровергать мифы, но рассмотреть и оценить человечество через призму отношения к мифу – это им под силу. Так формируется философский характер книги «Божественные истории» [5]. Жанр и стилистика книги, составленной из миниатюр-мифологем, давали возможность свободного высказывания, а также создания индивидуальной художественной интерпретации общечеловеческих универсалий, что в советских условиях было очень сложно и даже опасно.

Книга Ф. Кривина состоит из небольших повествований, в которых под новым углом зрения пересказываются известные мифологические сюжеты. Миниатюры кратки, лаконичны, имеют неожиданные финалы. Действующие в миниатюрах божества проявляют самые существенные, знаковые качества, хотя речь будет идти не только о мифических божествах, но и о героях, исторических, литературных персонажах. Книга состоит из

четырёх частей: Древнейшее; Ветхозаветное; Новозаветное; Из новейшего завета. Если содержание миниатюр первой и второй частей касается вавилонской, египетской, иудейской и античной мифологии, то третий и четвёртый разделы – это переосмысление христианских мифов и вторичных – культурных, литературных мифов.

Каждая из частей начинается миниатюрой с одинаковым названием – «Действующие лица», в которой представлены божества, становящиеся героями данного раздела – периода человеческой цивилизации, а происходящее между «действующими лицами» будет лейтмотивом, развёрнутым в дальнейших миниатюрах. В миниатюрах «Действующие лица» есть определённая театрализация, элементы комедии-дель-арте: автор представляет и себя, и персонажей. Ведут себя персонажи не «по сценарию», а спонтанно, импровизируя в поступках и словах, но в целом воплощая знаковые пространственно-временные культурные ситуации: диспут, собрание, путешествие, салон, карточная игра, празднество и т.п. Так воплощается шекспировская метафора «весь мир театр ...» (из пьесы Шекспира «Как вам это понравится...»), но театр не человеческий, а преимущественно божественный.

В разделе «Древнейшее» в первой миниатюре «Действующие лица» античные боги во главе с Зевсом испуганы появившейся у людей атеистической литературой. Набор персонажей показателен для мифов: титаны (Прометей, Тантал), герои-полководцы (Ахил, Геракл, Тесей, Персей), воины (Македонский, Пирр), чудовища (минотавр, ехидна, цербер, немейский лев, лернейская гидра), цари (Авгий, Дионисий, Мидас), богини-красавицы (Гера, Афродита), влюблённые (Нарцисс, Ио, Дамокл – влюблён в чужое имущество), разбойник Прокруст, умные люди – Сократ, Платон, Юлий Цезарь.

Боги считают, что рассадник неверия – сказки. Так миф и сказка противопоставляются друг другу: сказку можно сочинить, миф же вечен и непреложен. Сказка сочинена людьми, она отражает с одной стороны, красоту и волшебство жизни, с другой – обличает её (сказка – ложь, да в ней намёк). В мифе – живут, сказкой поучают и развлекают. Происходит разрушение опорной мудрости мифа: боги хотят сказок, они исчерпали свои волшебства и своё влияние. Им уже нечем поразить человека, боги беспомощны в поддержании своей дальнейшей судьбы. Но зёрна сказки заронены в сознание богов, и вот уже Афродита спрашивает: «А что такое атеистическая литература?», не понимая намёка сказки на собственную судьбу. В такой ситуации духовная вера превращается в культ, что и показано в миниатюрах.

В «Древнейшем» появляются люди – питекантропы, халдеи – пассивные и наивные: они надеются на помощь идолов, на суд богов, неправедный и издевательский, «со стола» богов им пе-

репадают только мудрые сентенции. Знаковые «зёрна истины», заключённые в мифах, теряют конечный смысл, мутируют. За ним обнаруживаются драматические подробности бытия, они-то и несут главную нагрузку смысла. Например, миниатюра «Лаокоон» повествует о подкачках Зевса ахейцам, как разрушить Троию деревянным конём. Лаокоон – троянский герой-прорицатель, протестующий против принятия коня в подарок, в конце концов, он умерщвлён гидрами, насланными Зевсом. Сам Зевс восхищается мужеством Лаокоона и предлагает поставить ему памятник. Композиция памятника – насмешка над подвигом героя: Лаокоон въезжает в город на троянском коне. Памятник – очевидная травестия подвига Лаокоона. А вот пророческие слова, сказанные троянским прорицателем, остались навеки: бойтесь данайцев, дары приносящих («Лаокоон»).

В другой миниатюре Ахиллес умирает на поле боя от раны в пятке, как известно по мифу, пятка осталась уязвимым местом бессмертного Ахилла. Но у Ф. Кривина ситуация контаминируется с фразеологизмом «сверкать пятками» – то есть, трусливо убежать. Умиравший Ахилл предостерегает воинов: «Не показывайте пяток врагу!», но воины бегут с поля боя, так и не поняв предостережения («Ахиллесова пята»). В данном случае в интерпретации мифа использован приём бурлеска.

Многие миниатюры-интерпретации мифологических сюжетов сосредоточивают внимание читателя не на главном содержании, а на мелочах, в которых содержится драматизм и интрига происходящего. Так, Дамокл видит чудесный меч Дионисия, но не замечает, что висит-то он на волосе: «этот меч должен тебе объяснить, что всякое счастье висит на волоске» («Дамоклов меч»). Изобрёл крылья для полёта и для спасения от врага Дедал, продумавший все правила осторожности в полёте. Но он навсегда останется всего лишь «отцом Икара. Того, что полетел к солнцу» («Дедал и Икар»). Пан женился, и тотчас все увидели его рога, хотя раньше их совсем не замечали («Пан»). Смельчаки восстают против почитания богов, но рождение каждой истины стоит жизни кому-нибудь из них: «В спорах рождались истины / и умирали сократы» («Сократ»). «Древнейшее» почти лишено обычного земного человека: мироздание пока что принадлежит богам.

Действующие персонажи следующего раздела – «Ветхозаветное» – бог-созидатель, Адам, Ева, Каин, Авель, Ной, Моисей, Самсон, Валаамова ослица и др. Для понимания содержательно-композиционного построения книги Ф. Кривина особенно показательны первая и последняя миниатюры раздела. Данный раздел открывает остроумная миниатюра «Сотворение человека», в которой всевышний, слепивший человека из глины, в ответ на просьбу Адама слепить ещё и «счастье» даёт в руки «новорождённому» кусок глины и предлага-

ет: вот материал, а счастье слепи сам – какое сотворишь, такое и будет. Ёмкая, многозначная миниатюра открывает раздел, в котором мифы будут твориться на основе бытия и самоидентификации человека, человек будет «лепить» своё счастье. Оказавшись между богом и дьяволом, человек будет метаться от искушения к искушению: брат убьёт брата («Каин»), человек отдаст ребро для женщины, она искусит мужчину и нарушит весь божественный замысел, древо жизни начнёт расти кроной вниз, человек получит «ризы кожаные», станет смертным. И начнётся месть «старика»: угодник и подхалим Ной будет утоплен в ведре, в борьбе с единогласием у человечества будут смешаны языки, Содом и Гоморра за непослушание и грехи будут сожжены и т.д. Душа человеческая полна чувств (Адам, Суламифь), появились доброта, благодарность, но эгоизм, обман, самоуничтожение, неразличение греха и благодати делает человеческое существо далёким от идеала.

Анализируя художественное содержание данного раздела, можно предположить, что на интерпретацию ветхозаветных мифов у Ф. Кривина повлияла Аггада (с арамейского – повествование) – большая область талмудической литературы (Устного Закона), содержащая афоризмы и притчи религиозного и этического характера, исторические предания и легенды, предназначенные облегчить применение «кодекса законов» – Галахи [9].

Обычными жанрами аггадистов были притчи, параболы, басни, аллегорические и гиперболические рассказы. С большим мастерством аггадисты применяли символические формы повествования, культивировали монолог и диалог. В своей критике событий они проявляли нередко большую смелость суждения, не щадили ни пророков, ни патриархов, ни даже самого законодателя Моисея и не стеснялись вводить в свои диалоги в качестве равноправного собеседника и самого Бога. Влияние Аггады проявилось в миниатюрах Ф. Кривина «Жертвенная телица», «Стадо Моисеево», «Святое семейство», «Второзаконие», «Земля обетованная», «Двое в раю», «Ребро Адама», «Каин», «Каринова печаль», которые по содержанию близки притчам Аггады.

Раздел «Новозаветное» посвящён переосмыслению мифов христианской цивилизации. Его персонажи – фарисеи, члены Синедриона, Ирод, Понтий Пилат, Иоанн Предтеча, Иисус, апостолы, Иоанн Богослов и другие. Открывает раздел миниатюра «Дары волхвов», где обыграны мысль о предательстве, преследовании и «наследовании»: дарители-волхвы идут за звездой младенца Христа, но они же ведут за собой по пятам служителей Ирода, что закончится «избиением младенцев», – слово «дар» получает расширительный смысл и негативную контаминацию. В иной миниатюре апостолы в Евангелиях провозглашают истину, не ими добытые, а взятые по наследству из Ветхого завета. «Новозаветное» отражает эпоху

судов, допросов, насилия, принуждения, угождения, окончательного отрыва высокого неба от грешной земли, недоступности Господа и показного исповедания христианства:

- А почему здесь Ирод? И Понтий Пилат?

Ирод и Понтий вскочили со своих мест:

- Во имя отца и сына и святого духа!

(Новозаветное. Действующие лица) [5].

Завершает раздел дерзкая бурлескная миниатюра-эпистолярный «Из послания апостолов распятому спасителю» – письмо от низших обитателей мироздания (детей неразумных) высшему отеческому чину – Господу – о бедах и напастях земных. На земле – страшно и бесприсветно:

–..А в остальном у нас, господи, все постарому. Род приходит, и род уходит, и возвращается ветер на круги своя. Все алчущие, все жаждущие – все вопиют, и никто никого не слышит. Горе нам, господи, ибо не ведаем, что творим... У вас там наверху поспокойнее: никакой суеты сует, никакого томления духа... Благо тебе, Спаситель, что ты спасся вовремя...

А еще Иуда передает тебе свой поцелуй... [5].

Подвиг самопожертвования всевышнего совершён, но земная жизнь, увы, не преобразилась.

Раздел «Из новейшего завета» представлен праздником на небесах, на который съезжаются гости: отцы церкви, апостол Андрей, Симеон Столпник, дева Мария, Клавдий Нерон с бесами, Кальвин с бесами, пособник фашистов фон Папен и другие. Начинается свободное салонное времяпрепровождение, завязывается карточная игра – на души. Это души земных учёных-богоборцев, протестантов, литературных героев – Мигеля Сервета, Галилея, Яна Гуса, Робинзона, Фауста, Гамлета, Квазимодо и др. Ставки возрастают, в банке уже миллионы душ. В конце концов, в банке оказываются живые души всей земли, на радость бесам, инквизиторам, земным «мелким бесам».

Первая миниатюра «Слово» использует героев романа Даниэля Дефо «Робинзон Крузо» и ассоциации с началом Евангелия от Иоанна: в начале было слово, и слово было у Бога, и Слово было Бог (Синодальный перевод). Белый человек Робинзон произносит слово-приказ туземцу Пятнице, и отныне слово это должно быть законом послушания для раба. Так слово колонизировало народы, в подтексте – христианское слово. Ведущий мотив раздела – подмены, лицедейство, фальсификации, голый прагматизм и конъюнктура. Что было святым – объявляется грешным, и наоборот. Бренное и сиюминутное становится выгоднее, чем вечное и нетленное. Человек пытается установить свою власть над миром и занять место всевышнего. Приветствуется беспрекословное повиновение властям, за образец поведения берётся предательство апостолов в Гефсиманском саду. Например, мифологема суда святого ареопага над Жанной

Дарк пародийна: одні і те жє святєє отці когдато єє осудили на сожженіє, сегоднє они жє провозгласили святюю («Жанна Дарк»), – святюму суду милее єє посмертна бездеятельность и невмешательство в историю.

Говоря об особенностях кривинской мифологизации, необходимо отметить использование иронии, пародии, травестирования, бурлеска.

Благодаря жанрам и стилистике иносказания создаётся контраст своего (авторского) и чужого (книжного) слова, сталкивается комическое и сатирическое использование серьёзных смыслов, мифологический герой (высокий, однозначный по своей природе) превращается в героя-трикстера, то есть в нарушителя порядка, бесшабашного бунтаря (например, в миниатюре «Лаокоон»).

Следуя за сменой стилевых акцентов, миф «приземляется», меняется его жанровая природа. Появляется обыденность, предметность мифа, он становится канвой для нового жанра. В некоторых случаях он превращается в рассказ, в иных – в сказку, притчу, анекдот. В сказке на первый план выдвигается рассказывание, живая речь сказителя и персонажей – на Олимпе собирается «собрание», Зевс «советуется с народом». Недалёкой женщиной-болтушкой оказывается Афродита, заинтересовавшаяся «катехитической литературой», и т.д. Мифологемы-сказки испытывают персонажей, поучают.

Мифы, приобретающие жанровые очертания анекдота, становятся краткими, лаконичными, с неожиданными концовками. Таковы миниатюры «Яблоко раздора» (Парис ценит красоту, но не меньше любит ...яблоки), «Авгиевы конюшни» (никто не знает Авгия, но все знают Геракла, почистившего конюшни: в мифы вместе с великими залезло много «мелюзги»). Миниатюры, представляющие собой притчи, включают нравоучение, параболность, связь высокого смысла с жизненной практичностью. Таковы «Древо познания добра и зла», «Древо жизни», «Ной» и др.

Четвёртый раздел книги, посвящённый новозаветным христианским святым и вечным лите-

ратурным героям, отрешается от морализаторской тональности, этических поучений. Гротескность миниатюр, выразительный подтекст должны быть адекватно прочитаны современным читателем, – уверен писатель.

Литературные и исторические герои воплощают сами себя: каждый готов умереть за свою идею. Одни гибнут за идеи, другие, погибая, спасают гибнущих, герои и жертвы уже неразличимы. Человечество забыло, ради чего живёт. Оно доказывает, утверждает, устанавливает, но цена за это платится чрезвычайная («Иезуиты»). А что касается великих грешников, то их объединяет жажда власти, жестокость, упоение кровью как в древности, так и ныне (Нерон, Гитлер) («Сон Нерона»). Вечные герои перестали воплощать свои призвания: например, Фауст так увлёкся сохранением своей молодости и своим внешним видом, что давно забросил науку и чтение учёных книг, на радость Мефистофелю. Продажа души через века, но в который раз повторилась, Мефистофель опять торжествует («Фауст»).

Таким образом, систематизация мифов, композиционная продуманность книги, перекликающиеся мотивы во всех четырёх разделах (даров, поцелуя, суда, памяти, чести, забвения, зависти, неблагодарности, повторения, предательства, героизма и т.д.) порождают поверхтекстовый, на глазах складывающийся мифологический гипертекст о камнях преткновения человечества и его нерадушных перспективах. Писатель проявил большие гуманитарные познания, способность панорамно видеть мир и человечество, мыслить глубоко и нетривиально.

Книга богата жанровыми и поэтическими находками: некоторые жанры формируются на глазах читателя, а пародийная, травестийная, бурлескная, гротескная, аллегорическая, ироническая поэтика даёт возможность обновлять интерпретацию древнего мифа, смешно и остроумно говорить о серьёзном.

Литература

1. Вышеславцев Б. П. Миф о грехопадении // Путь, 1932, № 4 (Июль). – С. 3-18. – Цит. по: Чагинский А. А. Понятие мифа в русской религиозной философии 20-х гг. XX в. [13].
2. Гейне Г. Девушки и женщины Шекспира. – Электронная версия. Режим доступа: <http://www.w-shakespeare.ru/library/nikolaev-shekspir-enciklopediya107.html>
3. Иванов В. Достоевский. Трагедия. Миф. Мистика // Иванов В. Собрание сочинений. – Брюссель, 1987. – Т. 4. – С. 483-588.
4. Конева Л.А. Н. А. Бердяев: миф как особое произведение // Вестник Самарского государственного университета, 2011, № 1/2. – С. 10-16.
5. Кривин Ф. Божественные истории. – М.: Политиздат, 1966.
6. Кузьмина Э. Испытание смехом // Новый мир, 1967, № 5. – С.248-250.
7. Лец С.Е. Непричёсанные мысли / Перевод с польского, послесловие М. П. Малькова — СПб.: Академический проект, 1999. — 173 с.
8. Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. – М.: МГУ, 1990. – С.162, 163.
9. Литература Агады. Й. Бегун, Х.Коржакова, А. Шинан // изд. ДААТ/Знание, 1999. – 381 с. Режим доступа: <http://eleven.co.il/talmud-rabbinics/general-information/10065/>

10. Мелетинский Е. Поэтика мифа. – М.: Академический проект, 2015. – 331 с.
11. Найдыш В.М. Мифология. Учебное пособие. – М.: КноРус, 2015. – 432 с.
12. Стругацкий, Б. Н. Комментарии к пройденному — СПб.: Амфора, 2003.-311 с.
13. Чагинский А. А. Понятие мифа в русской религиозной философии 20-х гг. XX в // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение, 2015.- Вып.6(62).– С.37-52.
14. Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: Академический проект, 2014. – 240 с.

Natalia BEDZIR

***HISTORY AND MYTHOLOGY IN THE WORK OF F. KRIVIN
(COLLECTION "DIVINE STORIES")***

Abstract. The article is devoted to the review of the peculiarities of mythopoeitics in the work of F. Krivin on the material of the book of the miniatures "Divine stories". The themes, problems and artistic methods of the embodiment of myths are analyzed. The genre and stylistic features of the collection of F. Krivin are determined.

Key words: Felix Krivin, miniatures, myth, grotesque, burlesque, travesty, irony, parody, parable, anecdote, fable.

Наталія БЕДЗИР

***ИСТОРИЯ И МИФОЛОГИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. КРИВИНА
(СБОРНИК «БОЖЕСТВЕННЫЕ ИСТОРИИ»)***

Аннотация. Статья посвящена обзору особенностей мифопоэтики в творчестве Ф. Кривина на материале книги миниатюр «Божественные истории». Проанализированы темы, проблематика, художественные приемы воплощения мифов. Определены жанровые и стилевые особенности сборника Ф. Кривина.

Ключевые слова: Феликс Кривин, миниатюры, миф, гротеск, бурлеск, травестийность, ирония, пародийность, притча, анекдот, басня.

Стаття надійшла до друку 18.05.2018 р.

© Бедзір Н.П., 2018

Бедзір Наталія Прокопівна – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри слов'янської філології та світової літератури УжНУ.